

ДВА РАССКАЗА

У НОЧНОГО КОСТРА

*Однокласснику,
военному лётчику Ильдусу Халитову*

Мы с братом, как и в прошлом году, стояли под кроной старой лиственницы, растущей в обнимку с ровесницей сосной. Над могилами родителей порхали бабочки, от цветка к цветку перелетали пчёлы. Где-то в кустах возились воробьи, за оврагом сонно отсчитывала чьи-то годы кукушка. Брат рассказывал, как племянник, ещё только учившийся на сварщика, варил оградки:

— Тонм настоящего профессионала командовал: «Арматуру! Электрод!» — сказал брат, тепло улыбнувшись.

Затем, кивнув на свободное место рядом с могилой отца, произнёс: «А вот здесь буду лежать я». Сказал так буднично, как говорят: «Тут будет грядка, и я посажу огурцы». Я спросил: «А я где буду?» Брат не ответил. То ли не расслышал, то ли по тону моего голоса догадался, что вопрос я задаю сам себе. Постояли молча, вспоминая те или иные события, связанные с мамой, с папой...

Когда собрались уходить, бросилась в глаза фотография парня в военной форме. Под ней были слова: «Погиб в Афганистане». Между годом рождения и годом смерти было девятнадцать лет.

— В глухой деревне, за тысячи вёрст от чужой войны, — сказал брат, — родился мальчик. В тот же день, быть может, отлили пулю, которая, в конце концов, нашла его.

— Слушай, у тебя же друг афганец, — сказал я. — Интересно было бы поговорить с ним.

— Бесполезно! Не рассказывают они ничего.

— Ты бы познакомил, а там видно будет.

— Без разговоров. В субботу мы на рыбалку, ты с нами?

— Конечно! Ты ещё спрашиваешь?

Ночной костёр располагал к откровенности.

— Вот это меня и вытасило оттуда, — сказал Нугман, продолжая, видимо, какие-то свои мысли. — Сводящее с ума желание посидеть у костра, не опасаясь выстрела в спину...

— В Афганистане он командовал вертолётным полком, — вставил брат, воспользовавшись паузой. — Через месяц уже знали его почерк, на него специально охотились. За его голову давали...

— Да брось ты! — прервал его Нугман.

В костре потрескивали осиновые поленья. Рядом чувствовалось сильное, тугое течение большой реки.

— Эти глаза!.. — сказал вдруг Нугман, уставившись в огонь. — Видите?..

Я вздрогнул. Какие глаза? Он не бредит?

— Может, расскажешь уже, — сказал мой брат. — Сколько я ещё буду гадать, что всё это значит?

— Ничего вы в жизни не понимаете. Ни-че-го! — вымолвил Нугман. — Слова в этом мире не имеют никакого значения. Они — пустой звук. Грохот вертолёт заглушает их без труда... Ну, расскажу я вам. И что? Вы же ни черта не поймёте. Потому что не видите этих глаз. А они повсюду...

И лёг на спину. Звёзды казались так близки, так призывно мигали, то и дело прячась за ветки... «Глаза вселенной, глаза Всевышнего он имеет в виду?» — подумалось невольно.

— На войне же психология другая, — начал Нугман, приподнявшись на локте. — Если не хочешь сойти с ума, надо настроить себя на эту новую реальность. Да, сначала страшно, от каждого взрыва вздрагиваешь. Но у психики, видимо, включается защитный механизм: скоро ты привыкаешь к взрывам, свисту пуль и ходишь как на работу. Прилетаешь с задания, вертолёт весь изрешечён. Задельываешь дырки скотчем и летишь на следующее задание. Во время боя возникает азарт, как во время игры или спортивных соревнований. Но это и опасно. Если слишком увлечёшься, можешь потерять бдительность, и тогда тебе конец...

— Задание в тот день было обычное, — продолжил он после небольшой паузы, — сопровождать колонну автомашин. Взлетели два вертолёт — я и мой друг. Настоящий, какой бывает только там... Здесь какая дружба! Если тебе ничего не угрожает, как я могу доказать, что ты мне друг?

В вертолёте, как в бане, можно изжариться. Плюём на все правила и летим чуть ли не в трусах и майке. Под нами лысые горы, выжженная солнцем трава. От колонны длинный шлейф пыли. Кажется, вокруг ничего живого. Но вдруг на горе, в зоне движения колонны, показался какой-то силуэт. За спиной ружьё. Оглянулся и убежать. Значит, враг. Автоматная очередь, и он падает, не добежав до камня, за которым, видимо, хотел спрятаться. Подлетая, обнаруживаем, что у него обычная двустволка. За горой пасётся несколько овец. Может, он просто присматривал за овцами, а ружьё взял для охоты или самозащиты. Но мы-то поступили по инструкции, разбираться с каждым некогда.

Колонна приближалась к кишлаку, который считался дружественным. Здесь нас встречают с улыбками, ребята наши бросают детям что-нибудь вкусенькое: конфеты там, печенье...

Выйдя из кишлака, колонна начала подниматься в гору. И тут неожиданно выстрел сзади. Ракета попадает в вертолёт друга, отрывает ему хвост. В наушниках успеваю услышать только: «Чёрт! Что это?..» Стремительное падение, удар о землю, взрыв и огненный столб... Всё! Был друг, только что разговаривали по рации, шутили. И нет его...

У меня будто заклинило руль. Кружу и кружу над местом, куда упал друг, куда обрушился весь его огромный мир, в котором был и я. Рацию разрывают: «Что у вас? Доложите обстановку. Что за взрыв? Почему не отвечаете? Доложите обстановку!»

Ещё не осознавая, что делаю, ударом кулака выключил рацию и полетел в сторону кишлака, который только что оставили. Долетев, начал утешить его, стреляя из всего, что у меня было. Ошалелые от страха люди забегали в поисках укрытия. Но от меня не

скрыться. Улицы покрылись трупами, дома превратились в развалины. Всюду огонь, дым. А я сквозь сжатые зубы твержу лишь: «Сволочи! Вы этого хотели? Этого?..»

Прочерчивая по земле, по крышам домов пунктиры, захожу в третий или четвёртый раз. И тут — эта девочка. Сидит посреди улицы, тормошит лежащую в пыли женщину, видимо, маму, из виска которой сочится кровь, и рыдает. Вдруг девочка подняла голову. И мокрые от слёз глаза устремились на меня. В них не было страха, в них была только боль и укор. Казалось, она посмотрела прямо в мои глаза. Её взгляд обжёг меня. Доли секунды — и я успеваю убрать палец с гашетки. И улетаю.

Это был конец. Конец моей войны. Я увидел то, чего не должен был видеть. В программе, настроенной на войну, на ненависть, что-то сломалось. В неё попал вирус — вирус жизни, любви, жалости... Я уже знал, что меня собьют. Оставался только вопрос: когда? Всю следующую неделю мне везло. Уже вторая неделя пошла. Неужели, думаю, постили.

Надо было забросить продукты и боеприпасы в блокпост, находящийся высоко в горах. Я уже подлетал к цели, видел уже сооружения блокпоста. Как вдруг за камнями что-то блеснуло. Прицеливаюсь, а в окуляре — глаза той девочки. Секунда замешательства, и меня подбросило. Кабина наполнилась едким дымом. Вертолёт камнем пошёл вниз.

На базу сообщили, что я погиб. Везли как мёртвого. Только когда начали вытаскивать из вертолёта, кому-то показалось, что у меня дрогнула ресница... В госпитале заново собрали из частей...

Нугман сел, по-мусульмански скрестив ноги. Протянув руку, взял из костра головню, закурил. Мы молчали. Уха уже сварилась, вода в чайнике кипела. Где-то за рекой ухала сова.

ДРУГ

Студенческому другу Рашиту Зайлялову

Всё чаще вспоминаются давние советские времена, когда даже между районными центрами летали самолёты...

В тайге, куда мы должны лететь, не на шутку разыгралась пурга. Наш аэропорт закрыт на все замки, и нам с другом остаётся лишь шутить, придумывать эпиграммы на сложившуюся ситуацию или предаваться воспоминаниям, дабы не впасть в отчаяние.

Как же мы оказались там, куда можно добраться лишь самолётом? Когда мы окончили институт, нас, молодых педагогов, распределили по районам республики. Отправляли в деревни, ведь именно там не хватало учителей. У каждого, конечно, был уже настрой, где он будет жить, работать. Но у комиссии по распределению были свои планы. Из комнаты, где заседала комиссия, девушки наши выходили со слезами. Мы с другом зашли вместе. Друг мой, заядлый охотник и рыболов, говорит: «Можете отправить нас хоть на край света, но чтобы там были лес и большая река, чтобы охотиться и рыбачить». Ну, а мне всё равно было, мне хотелось увидеть мир. У членов комиссии рот до ушей, они только и ждали таких. И нам предлагают на выбор три района. Друг мой с закрытыми глазами тычет пальцем в карту... Мечта работать в одной школе, конечно же, не сбылась: на весь район два молодых специалиста! Друг, как и хотел, выбрал посёлок, расположенный в лесу, на берегу большой реки. Меня же послали в противоположную, степную часть района.

На зимние каникулы мы ездили каждый к своим родителям. Встретились в столичном аэропорту. И вот сидим тут. «А помнишь, как мы убежали с лекций по научному

коммунизму?» — говорю я. Но тут друг мой поднял указательный палец. Объявляли регистрацию на какой-то рейс. В конце добавили, что имеются свободные места. «Это же соседний с нами район! — воскликнул друг. — Оттуда уже рукой подать до нашего»...

И вот — летим туда, где принимают.

Прилетев в маленький, заваленный снегом аэропортик, с радостью узнаём, что этим же самолётом можем лететь дальше, в свой район. Встаём в очередь за билетами. И тут подходит к кассе девушка. Обдав нас снежной свежестью, встаёт за нами. Мы, будучи в приподнятом настроении, пропускаем её вперёд. И зря! После неё нам остаётся один билет на двоих.

Друг, конечно, хочет отправить меня, а я — его. «Полетишь ты!» «Нет, ты!..» После нескольких «скрещиваний сабель», собрав в кулак все свои познания в логике, мне всё же удаётся убедить его, что должен лететь он, а не я. Главный мой аргумент: от райцентра до его деревни намного дальше, чем до моей.

«Вот и отлично! — думал я, провожая взглядом набирающий высоту самолёт. — Наконец-то я с тобой хотя бы частично рассчитаюсь».

Что же это за долги, которые можно возвращать таким странным способом? Я начал вспоминать годы нашей дружбы. Подружившись с ним, я впервые почувствовал себя человеком, мнение которого что-то значит. Учился у него быть уверенным в себе. Учился серьёзным размышлениям о жизни и изложению своих мыслей на бумаге, стараясь писать достойные его ума письма. Благодаря ему открылись мне многие загадки мира девушек... А я что давал ему взамен? Мне кажется, ничего. Поэтому я даже обрадовался представившейся возможности хоть что-то сделать для своего друга.

Переночевав в покосившейся, но тёплой избе одной доброй старушки, на следующий день утром я уже летел над бескрайними просторами тайги, сверкающей мириадами снежинок-звёзд. Я был так горд своим вчерашним поступком, так весело смотрел на бегущего под нами лося...

Вдруг меня осенило. «Чёрт! Он же опять обвёл меня вокруг пальца! Опять заставил меня гордиться собой, своим поступком, взяв на себя, быть может, чувство вины, угрызений совести. И вновь он на высоте. И вновь я ему должен. Как же мне тогда расплатиться с ним?»

Этот вопрос не давал мне покоя до тех пор, пока в один прекрасный день я не получил от друга приглашение на свадьбу. На открытке, пониже имён жениха и невесты, была приписка, понятная только мне и другу: «А знаешь, кто нас познакомил? Попробуй догадаться... Помнишь пургу, таёжный аэропорт, один билет на двоих?.. Девушку в очереди?..»

«Ага-а! — воскликнул я, вдруг догадавшись, кто его невеста. — Попался! Мы в расчёте?..»

Постой! Это я опять лечу над тайгой?.. И вижу бегущего подо мной лося?.. Видимо, никогда мне уже не расплатиться с другом.

